

Гу Цинсюань, услышав это, немного разозлилась.

— Что такое? Вышла замуж за представителя семьи Юэ, так я теперь целыми днями должна сидеть в вашей семье Юэ, что ли? Фан Линчжу — мой друг, почему мне нельзя выйти и поболтать с ним? — говоря это, Гу Цинсюань внезапно почувствовала себя обиженной.

По-настоящему обиженной.

Черт побери, с тех пор как она попаданкой переместилась сюда, верховный наставник заставлял её целыми днями заниматься культивацией, её продержали в заточении на горе Улин более тридцати лет, и вот когда наконец отпала нужда сидеть под замком, её опутали по рукам и ногам столько преград и условностей, да к тому же приходится в любой момент проявлять осторожность, заискивая перед безумным злодеем, ступая словно по тонкому льду.

— У меня, мать твою, и друзей-то после замужества почти не осталось, один только Фан Линчжу! Если не с ним, то с кем мне общаться? Не с тобой же? — Гу Цинсюань вытерла слезы и собралась уходить. — Хватит, мать твою, не собираюсь я с тобой больше препираться, и возвращаться с тобой не буду, завтра попрошу Лю Чжи забрать меня!

Увидев, что она заплакала, Юэ Цинье уже растерялся. Поняв, что он и впрямь перегнул палку, он торопливо шагнул вперед и схватил её за рукав:

— Ладно, прости, я не прав!.. Перестань плакать.

Гу Цинсюань сморщила нос, на ресницах у нее еще висела кристально чистая слеза, и Юэ Цинье протянул руку, чтобы смахнуть её. Испытывая безграничную жалость, он прижал её к груди.

Объятия Юэ Цинье походили на огромную печку, укутавшую Гу Цинсюань целиком. Гу Цинсюань чувствовала себя словно сливочное пирожное: оказавшись в столь теплом месте, её тело и даже остатки здравого смысла в голове едва не плавились.

— Чего тебе хочется? Почему ты не обратишься ко мне? Я же говорил: куда бы ты ни захотела пойти, что бы ни пожелала съесть — просто скажи мне. Если тебе не с кем поговорить, можешь поговорить со мной.

Под темным ночным небом прохладный ночной ветерок подул на лицо Гу Цинсюань, и румянец со щек сошел. Она кое-как смогла начать размышлять.

Во-первых, Юэ Цинье совершенно точно не может испытывать к ней чувств!

В оригинальном романе Юэ Цинье и Чжоу Цыхэн — пара! С чего бы ему вдруг любить её?

Если считать со дня их свадьбы, не прошло еще и полмесяца. Разве за столь короткий срок Юэ Цинье мог влюбиться в неё?

Гу Цинсюань была уверена, что у нее нет столь грандиозного очарования, чтобы заставить мужчину, чье сердце уже кому-то принадлежит, отказаться от возлюбленного, которого он любил целых десять лет, и всего за полмесяца переключиться на неё.

Успокоившись, Гу Цинсюань списала поведение Юэ Цинье в этот вечер на его чувство вины.

С одной стороны, в том, что она отправилась вечером на встречу с Фан Линчжу, не было ничего особенно дурного.

Юэ Цинье же заговорил с ней столь отвратительным тоном, и, вероятно, позже сам это осознал, так что все его поступки объяснялись исключительно угрызениями совести.

Над парящим духовным мечом стоял Юэ Цинье, управляя полетом, а другой рукой он крепко держал руку Гу Цинсюань, переплетая их пальцы.

Его длинные пальцы сжимали её руку с чрезмерной силой, словно он держал не её пальцы, а её сердце, отчего ей становилось трудно дышать.

Гу Цинсюань высвободила руку и напустила на себя беззаботный вид:

— Не держи меня больше, я ведь уже в годах, неужели я могу отсюда свалиться? Ха-ха-ха, следи лучше за полетом!

Юэ Цинье не стал дальше допытываться и разжимать пальцы, сосредоточившись на управлении мечом.

Когда они вернулись в семью Юэ, стояла уже глубокая ночь.

— Ты ужинала? — голос Юэ Цинье звучал гораздо мягче, чем раньше.

Гу Цинсюань призадумалась: находясь в Квартале Чанлэ, она, кажется, только и делала, что пила вино да закусывала арахисом, а из нормальной еды, похоже, не проглотила ни крошки.

— Не ужинала, но это неважно, от голода ведь не умрешь, ха-ха-ха!

Юэ Цинье вздохнул:

— Ступай искупайся, а я пока приготовлю чего-нибудь поесть...

— Разве удобно тебя утруждать? — на словах произнесла Гу Цинсюань, но в душе уже ликовала. Кулинарный талант Юэ Цинье ей довелось оценить еще в Деревне Абрикосового Цвета, и заявлять, будто ей не хочется есть, было бы верцем лицемерия.

Гу Цинсюань никогда прежде не знала, что у их внутреннего двора есть собственная маленькая кухня. Выйдя после купания наружу, она увидела всюю хлопочущего там Юэ Цинье. На нем не было громоздкой верхней одежды, белые рукава засучены, обнажая полоску белых подтянутых рук; тонкими длинными пальцами он в одной руке держал миску, в другой — палочки, взбалтывая яичную смесь.

Когда Гу Цинсюань подошла ближе, на столе уже красовалось несколько готовых блюд. На стоявшей рядом небольшой глиняной жаровне томилось куриное мясо, и густой пар, смешанный с ароматом птицы, заставлял слюнки текут от одного лишь запаха.

Гу Цинсюань уселась за край стола, подперев подбородок рукой, и принялась наблюдать за стряпней Юэ Цинье.

Надо признать, несравненный красавец хорош во всем, за что бы ни брался, даже в том, как он нарезает овощи.

Живи Юэ Цинье в современном мире, из него бы вышел безупречный домашний мужчина!

— Мы и завтраки обычно здесь готовим?

Юэ Цинье издал утвердительный звук, и тон его был необыкновенно мягким.

Когда этот парень не ходит с каменным лицом, он не кажется таким уж страшным.

Последним блюдом он приготовил жареные яйца с зеленью, и на этом готовка завершилась. Юэ Цинье вынес из жаровни куриный суп.

Внутри томились грибы с куриным мясом.

Четыре блюда и один суп заняли большую часть стола.

Гу Цинсюань уже собиралась наброситься с палочками на еду, как вдруг подумала, что наслаждаться пиром в одиночку — плохая идея.

Если Чжоу Цыхэн узнает впоследствии, что среди ночи Юэ Цинье готовил для неё ужин, не станет ли он ревновать и докучать Юэ Цинье? А если Юэ Цинье разозлится, разве не упадет шкала его благосклонности к ней?

Пусть даже Юэ Цинье наготовил столько еды из чувства вины...

Но Чжоу Цыхэн-то об этом не знает!

Гу Цинсюань привыкла пресекать любые кризисы на корню, и во избежание подобных проблем в будущем она произнесла:

— Я ведь не осилю такой огромный стол, может, позовем Чжоу Цыхэна присоединиться к нам?

— Не нужно, он рано ложится, должно быть, уже спит.

Гу Цинсюань протянула: «О», мысленно отметив: а ты неплохо изучил его распорядок дня!

Раз уж Юэ Цинье так сказал, настаивать она не стала, решив про себя: во всяком случае, я звала твоего драгоценного Чжоу Цыхэна, это ты не захотел его звать, так что потом не вздумай снижать мою благосклонность.

Юэ Цинье налил ей пиалу дымящегося куриного супа. Гу Цинсюань сделала глоток, и богатый, насыщенный вкус растекся между зубами, надолго оставаясь во рту.

До чего же восхитительно!

Управившись со всем обедом, Гу Цинсюань набила кругленький животик.

Она уже собиралась отправиться спать, но Юэ Цинье упрямо не позволил ей улечься, заявив, что лечь спать сразу после еды, пока пища не переварилась в желудке, вредно для здоровья, и поволок её в кабинет заниматься каллиграфией.

Разве посмела бы Гу Цинсюань ему перечить? Разумеется, нет.

Поэтому она покорно последовала за ним в кабинет.

Гу Цинсюань не любила писать, а писать кистью и тушью терпеть не могла, а потому просто отыскала на полках в кабинете Юэ Цинье какую-то случайную книгу и принялась читать.

Но её сморил сильнейший сон, да к тому же в кабинете Юэ Цинье попросту не нашлось ничего интересного — сплошные трактаты о культивации или теории бессмертия. Не прошло и много времени, как её верхние и нижние веки начали слипаться, и в конце концов она клюнула носом прямо в стол и заснула.

Пока Юэ Цинье заканчивал писать парные иероглифы на бумаге, Гу Цинсюань уже сладко

спала, уткнувшись лицом в столешницу.

Он тихонько вздохнул, отложил кисть и был вынужден перенести уснувшую Гу Цинсюань обратно в спальню на руках.

<http://bllate.org/book/22398/2350691>